

ПРИВЕТ ЗАСЛУЖЕННОМУ ДЕЯТЕЛЮ ИСКУССТВ, ПРОЛЕТАРСКОМУ ДРАМАТУРГУ В. Н. БИЛЛЬ БЕЛОЦЕРКОВСКОМУ

НЕПРОИЗНЕСЕННАЯ РЕЧЬ

На чествовании В. Билль-Белоцерковского 26 мая

Я искренно счастлив присоединить свой голос к голосу товарищей, чествующих сегодня Билль-Белоцерковского в связи с присвоением ему звания заслуженного деятеля искусств.

Десять лет назад я впервые встретился с Б.-В. как с драматургом. Шел «Шторм» в театре МОСПС (тогда МГСПС). Я не знал писателя лично, мне была совершенно не известна его биография. Но я прочитал ее в каждой реплике его пьесы, она раскрылась передо мной в огненном вихре чувств и страстей, которыми опалил его «Шторм» всю аудиторию. Я понял всем своим существом, что так писать, таким языком говорить о гражданской войне, с такой любовью показывать героев нашей страны и с такой непримиримой, обжигающей, жгущей ненавистью разоблачать врагов революции, шурупников, соглашателей, «жирондистов», примазавшихся к партии и государственному аппарату, может только настоящий большевик, человек, безраздельно находящийся во власти революционной идеи, революционного порыва.

Я присутствовал на партийной чистке Б.-В. в оргкомитете Союза писателей. Уже тогда я увидел и услышал многих людей, покореженных изумительной биографией драматурга, его великолепным прошлым пролетария-бойца и партийного организатора, его прекрасным нравственным обликом, искренностью и страстностью его произведений. Было радост-

но слушать рассказы о глубокой принципиальности Б.-В., о его исключительной скромности, о серьезной работе над собой.

Сегодня мы празднуем новую замечательную дату биографии Б.-В., а также биографии всей советской литературы. Мы слышали, с какой сердечностью и искренностью говорили о нем А. Файко, А. Афиногенов, В. Блюм; мы видели, с каким смущением вынужден был А. Попов

признаться, что сообщения т. В. Млечина о театре, который отказался в свое время поставить «Шторм», относятся к Театру революции,— правда, того периода, за который т. Попов отвечать не может; мы слышали здесь заявления т. О. Литовского о том, что комсомольская молодежь Ленинграда и других городов требует восстановления и «Шторма» в репертуаре советских театров и организации массового культурного движения на эти спектакли; из выступлений гг. Рейха, Корнейчука, Измайлова, Чурнина, Е. Любимова-Ланского и др. мы могли узнать, как

глубоко любят и ценят Билль-Белоцерковского зарубежные трудящиеся массы, какой органической частью репертуара в театрах братских республик являются его пьесы, какую громадную воспитательную роль играет и сейчас «Шторм» в социалистической деревне, каким замечательным образцом художника-борца является Билль для всей нашей драматургической молодежи.

Могучим стимулом должно все это

явиться для Билль-Белоцерковского, художника, не привыкшего успокаиваться на уже достигнутом, знающего что у него имеются перспективы в области языковой культуры, умеющего побольше вистеки драться за углубленное мировоззрение. Ему нужно наверстать упущенное. Мы отлично понимаем, что «его университеты» могли в нем воспитать лишь чувство классовой непримиримости к капиталистическому строю, но не содействовать нашему культурному развитию. Мы понимаем даже его недавнюю ненависть к классическому искусству и литературе. — ненависть, о которой Билль сам говорил нам сегодня. Ведь для него

это искусство, эта литература являлись лишь выраженным глубоко ненавистной хозяйственно-политической и общественной системы!

Поневолу вспоминается один колоритный эпизод из биографии Билля— его уход в пустыню, в самом буквальном смысле этого слова, для того чтобы освободиться от ужасов американской и европейской цивилизации. Это был крик побежденного, это был акт отчаяния, беспредметного протеста, на который мог пойти лишь окончательно изверившийся, потерявший перспективу человек, сознававший, что все, решительно все в этом мире было чудом и враждебное.

Разве в свете этого эпизода не становится понятной та позиция, которую Билль-Белоцерковский долгое время занимал в вопросе об овладении наследством?

Благодаря Октябрьской революции Б.-В., как и миллионы его братьев по классу, впервые получил ощущение собственной полноценности. Он стал хозяином этой земли, творцом, строителем и научился понимать, что у революционного пролетариата были великие предки, оставившие ему огромное культурное наследство. Билль сейчас жадно, со всей свойственной ему страстностью сел за учебу, несмотря на исполнившиеся ему 50 лет.

Это поможет ему глубже осмыслить весь колоссальный опыт его личной жизни, все процессы нашей действительности и создать новые произведения высокого идейного накала и более совершенного художественного мастерства.

Я. К. ЭЙДЕЛЬМАН

